

Загнав мула в стойло и поймав прижавшихся у клетки кур и уток, чтобы посадить их внутрь, Сюн Цзиньчжоу вышел из загона, по привычке потрепал подбежавших Давана и Эрца и вместе с поднявшимся Нин Гуйчжу вернулся во двор.

Они вымыли руки, закрыли кухню и только тогда вошли в спальню. В комнате всё осталось так, как было перед уходом днём: даже следы воды после обтирания ещё не успели высохнуть. Нин Гуйчжу, делая вид, что всё в порядке, перешагнул влажное место и подошёл к кровати, собираясь раздеваться.

Сюн Цзиньчжоу закрыл дверь, подошёл сзади и протянул руку, чтобы помочь снять одежду.

Нин Гуйчжу тут же сжал ворот, серьёзно сказал:

— Сегодня нельзя. Завтра ещё на службу идти.

Сюн Цзиньчжоу, который и не думал об этом, на мгновение задумался и вполне серьёзно прикинул:

— Если начать сейчас и закончить в течение часа, времени на сон хватит.

— ...

Увидев, как Нин Гуйчжу в изумлении распахнул глаза, Сюн Цзиньчжоу рассмеялся, наклонился и поцеловал его в щёку:

— Сегодня не будем. Отдохнём пару дней, хорошо?

— Вот это уже лучше, — пробормотал Нин Гуйчжу, вырвав у него свою одежду и быстро сняв верхнее.

Сюн Цзиньчжоу с улыбкой наблюдал, как тот, закончив, нырнул под одеяло, откатившись к стене, после чего сам разделся и лёг рядом. Постель была мягкой, под одеялом тепло. Обнимая Нин Гуйчжу, Сюн Цзиньчжоу чувствовал редкое, глубокое спокойствие.

От его тела исходило тепло, и Нин Гуйчжу, устроившись в его объятиях, зевнул и почти сразу уснул.

Утро. Очередной рабочий день.

Нин Гуйчжу осмотрел продукты, зачерпнул муки и смеси из разных зёрен и начал замешивать гладкое, однородное тесто.

— Гав-гав!

— Гав!

Лай щенков приближался, и Нин Гуйчжу, отложив замешанное тесто, вышел из кухни. Он увидел, как Сюн Цзиньчжоу возвращается с бамбуковой корзиной в руках, улыбнулся:

— С добрым утром. Во сколько ты встал?

Когда Нин Гуйчжу проснулся, постель рядом уже остыла, а в кухне на огне стояла вода для умывания.

— Не так уж рано, когда вставал, на горизонте уже светало.

Сюн Цзиньчжоу протянул ему корзину, с явной гордостью:

— Посмотри, что сегодня будем есть?

Нин Гуйчжу бегло взглянул и заметил несколько свежих водяных побегов бамбука. Он выбрал пастушью сумку и сказал:

— Раз уж есть бамбуковые побеги, давай по дороге обратно купим немного мяса. Чуть-чуть, на один-два ляна хватит. Сейчас с каждым днём теплее, продукты быстро портятся.

Сюн Цзиньчжоу задумался:

— В жару мясо покупают раз в несколько дней... может, лишнее складывать в погреб?

Нин Гуйчжу совсем забыл про это. Он отобрал зелень, показал, что достаточно, и, подойдя к колодцу, положил её в таз для мытья, после чего сказал:

— Тогда давай сделаем вяленое мясо.

Сюн Цзиньчжоу: ...а?

Вспомнив про кусок вяленого мяса, который всё ещё лежал в шкафу, он явно не обрадовался.

Нин Гуйчжу, увидев его выражение, рассмеялся:

— Не переживай, не такое, как у мамы. Вкус будет совсем другой. Ты мне веришь?

— Верю... наверное, — Сюн Цзиньчжоу, глядя на его уверенность, всё же решил довериться.

Пока он наливал воду в таз и мыл зелень, Нин Гуйчжу добавил:

— Тогда вечером займёмся грубой солью.

Та соль, что у них была, по сути ещё считалась «сырьём» - в ней было полно примесей, и при частом употреблении она могла вредить здоровью.

Сюн Цзиньчжоу впервые слышал о её обработке и спросил:

— И как это делается?

— Просто: измельчить, залить водой, прокипятить, отфильтровать примеси, потом выпарить...

— Нин Гуйчжу вдруг запнулся, заметив, что лицо Сюн Цзиньчжоу изменилось. — Цзиньчжоу? Что случилось?

Сюн Цзиньчжоу вдруг посерьёзnel:

— Этого делать нельзя.

?

Не дожидаясь расспросов, он очень серьёзно продолжил:

— Не знаю, что ты видел в тех богатых домах, но самовольно очищать соль - это нарушение закона. Если поймают, в лучшем случае ссылка на границу.

Услышав это, Нин Гуйчжу тоже испугался и сразу сказал:

— Я не знал. Тогда забудь, что я вообще об этом говорил. Будем просто покупать очищенную соль и использовать её.

Видя, что он не настаивает, Сюн Цзиньчжоу немного расслабился и даже улыбнулся:

— Да. Если вдруг не хватит, я могу подать прошение уездному судье Чэню, если количество разумное, он обычно даёт разрешение.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу, чтобы разрядить обстановку, с улыбкой поддел его:

— Хорошо, что ты у него на хорошем счету. А то как бы мы жили?

Похвала прозвучала искренне. Сюн Цзиньчжоу слегка кашлянул, сдержанно отвечая:

— Да уж... но всё равно не сравнится с моим супругом. Тот парой приёмов стал любимцем уездного судьи Чэня.

Они переглянулись и оба рассмеялись.

Промытую пастушьё сумку ошпарили кипятком, затем откинули и перемешали с соевой пастой. Два обжаренных яйца нарезали мелко, Нин Гуйчжу налил в котёл горячей воды, довел до кипения и засыпал нарезанную лапшу. Лапша сварилась быстро. Он разложил её по чашкам, равномерно распределил яйца и залил бульоном, наполнив их доверху.

Сюн Цзиньчжоу первым подхватил чашки и отнёс к столу. Золотистая лапша с яйцом уже одним ароматом пробуждала аппетит. На вкус солоноватое яйцо и упругая лапша идеально сочетались, создавая насыщенное ощущение. К ней шла холодная закуска из дикорастущей зелени: после ошпаривания она потеряла горечь, стала хрустящей и свежей, а соевая паста добавляла мягкий, умеренно солёно-сладкий вкус с глубоким ароматом - просто великолепно.

После сытного завтрака Нин Гуйчжу взялся мыть посуду и сказал Сюн Цзиньчжоу:

— Сходи в погреб, возьми немного риса. Заодно сегодня в уезде его обрушим в крупу. Кстати, сколько это стоит?

— Смотря сколько молоть. Можно оплатить отрубями, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

— Если недорого, лучше заплатить медью, а отруби забрать - ими можно кормить кур и уток.

Сюн Цзиньчжоу во всём слушался его, кивнул и, сказав «хорошо», взял мешок и спустился в погреб за рисом. Убедившись, что с ним всё в порядке, Нин Гуйчжу принялся за дела.

Он приготовил завтрак для собак, отдельно взял один грубый паровой хлебец, а выходя из кухни, заметил на столе у колодца подгнившие листья овощей. Освободив одну руку, он прихватил и их. Немного листьев он бросил в загон курам и уткам, собачий корм - размоченный в воде хлебец - вылил в их кормушку, затем положил мулу его порцию в бамбуковый желоб и добавил немного соломы.

Нин Гуйчжу погладил Маньтоу по голове:

— Давай, ешь быстрее, скоро выходим.

Непонятно, понял он или нет, но мул тряхнул головой, зажал в зубах солому и начал жевать, при этом глядя на Нин Гуйчжу своими большими глазами, словно спрашивая, почему они ещё не идут.

Нин Гуйчжу усмехнулся собственной фантазии и, взяв миски, вернулся в кухню мыть посуду.

Тем временем в погреб Сюн Цзиньчжоу набрал риса, вспомнил, что на кухне, кажется, закончился батат, и прихватил ещё несколько штук, сложив всё в мешок. Закрыв погреб, он как раз встретил Нин Гуйчжу, который занёс вымытую посуду.

— Чжу-гер, я взял немного батата. Куда положить?

— Сколько взял?

— Четыре.

— Тогда в шкаф. За пару дней съедим, не испортятся.

Закончив с делами и заперев двери и окна, они пошли к стойлу за Маньтоу. Тот, дожёывая солому, какое-то время разглядывал их одежду, а затем быстро доел, схватил лежащий в кормушке хлебец и вышел из стойла.

Когда они вышли за ворота, Маньтоу сам опустился на колени. Нин Гуйчжу уселся поудобнее и легонько похлопал его по шее. Получив знак, мул поднялся.

— Цзиньчжоу, дай мне мешок с рисом, — сказал Нин Гуйчжу.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу передал ему мешок, убедился, что тот держит его крепко, и только тогда взял поводья, ведя Маньтоу вперёд.

Они вышли рано, ворота дома ещё были закрыты. Услышав голоса внутри, они перекликнулись через стену и отправились из деревни Сяохэ.

Прошло два дня, а в уезде ничего не изменилось. Сюн Цзиньчжоу довёл Нин Гуйчжу до школы, дождался, пока тот сядет на своё место, и, увидев, что времени ещё достаточно, повёл мула к мельнице, чтобы обрушить рис. Мельница была местом, где с риса снимали шелуху. Сюн Цзиньчжоу дождался, пока зерно взвесят и назовут цену, после чего сказал:

— Отруби оставьте мне. Мешок возьму ваш, приду за ними днём.

— Хорошо, — хозяин мельницы, заметив, что Сюн Цзиньчжоу здесь впервые, уточнил: — Господин Сюн, вам только шелуху снять или ещё и тонкую оболочку убрать?

Снять шелуху было несложно - пару раз прогнать через жернова, и всё. Но чтобы очистить рис от тонкого слоя отрубей, требовалось куда больше труда.

Сюн Цзиньчжоу на мгновение задумался:

— Насколько дороже?

Хозяин показал пальцами:

— На десять монет.

Недешево.

Сюн Цзиньчжоу прикинул оставшиеся деньги и решил, что сможет позволить себе такую обработку.

— Тогда добавьте эти десять монет. Сделайте как следует.

Хозяин мельницы расплылся в улыбке:

— Будьте спокойны, у этого старика руки не подведут.

Это была небольшая мастерская: обычно сюда приходили молоть рис те, кто жалел деньги, и за целый год почти не находилось заказов на тонкую обработку. Теперь же с этой сделкой можно было какое-то время не переживать за отсутствие клиентов. Хозяин мельницы был доволен, да и у Сюн Цзиньчжоу настроение поднялось. Его Чжу-гер любит пищу поизысканнее, доплатить

десять монет ради того, чтобы он ел с удовольствием, вовсе не казалось напрасной тратой.

Он ещё размышлял об этом, когда услышал, как его окликнули. Обернувшись, он увидел хозяина магазина соусов и, приподняв бровь, спросил:

— В чём дело?

Тот улыбнулся приветливо:

— Ничего серьёзного. Хотел лишь узнать, когда у господина Нина будет время, чтобы мы завершили сделку по оставшейся половине рецепта?

— В полдень спрошу у него, после обеда дам ответ.

— Хорошо! Благодарю, господин Сюн!

Получив ответ, хозяин соусной лавки тут же развернулся и ушёл обратно, даже не пытаясь продолжить разговор. Сюн Цзиньчжоу не придал этому значения и пошёл дальше, но в голове вдруг всплыла важная мысль: Чжу-гер слишком хорошо умеет зарабатывать, надо и ему самому придумать способ, иначе как можно позволить супругу одному тянуть дом?

Однако...

Он прокручивал эту мысль снова и снова, но кроме поимки преступников или подавления разбойников ничего придумать не мог. Вот только в их краях разбойников не было, а всех нарушителей он уже почти переловил. Сюн Цзиньчжоу цокнул языком: знал бы - тратил бы деньги экономнее, ведь еда в ресторанах всё равно не сравнится с тем, что готовит Чжу-гер!

—

В тихом ткацком классе Нин Гуйчжу неторопливо проходил между станками, иногда останавливаясь, чтобы осмотреть сотканную ткань, и мысленно продумывал дальнейшее обучение.

— Господин Нин.

Стоявший у входа человек тихо окликнул его дважды. Услышав голос, Нин Гуйчжу поднял голову, увидел управляющего школой и вышел к нему.

— У управляющего есть дело? — мягко спросил он.□

Управляющий был доверенным лицом уездного судьи Чэня, которого тот привёл с собой. Услышав вопрос, он с улыбкой ответил:

— Ничего особенного. Господин уездный судья велел узнать, как продвигается обучение учеников, можно ли им уже завершать учёбу?

Нин Гуйчжу, услышав это, бросил взгляд внутрь класса, сделал жест рукой, приглашая отойти подальше, и лишь тогда тихо сказал:

— Есть одна ученица, у которой с ткачеством не выходит. Ей либо нужно учиться ещё три-четыре месяца, либо лучше заняться чем-то другим. Остальные... в целом уже могут выполнять простое ткачество, но до тонких тканей им ещё нужно практиковаться.

— Тонкие ткани не обязательны, — задумчиво произнёс управляющий. — А кто именно не справляется? Я потом переведу её на более простую работу.

— Это... — Нин Гуйчжу замялся, но не стал называть имя, а вместо этого сказал: — У меня есть разные навыки. Передайте, пожалуйста, господину уездному судье: если возможно, пусть она попробует поучиться у меня чему-нибудь другому, вдруг найдёт то, к чему у неё есть способности.

Взгляд управляющего на мгновение изменился:

— «Разные навыки» - это насколько разные?

Нин Гуйчжу сдержанно ответил:

— Почти всё, что можно придумать, я в целом умею.

Глаза управляющего резко расширились.

.....

Полдень.

У судебных приставов в день было всего три-четыре обхода, и сейчас Сюн Цзиньчжоу, устроившись на стене двора, грелся на солнце, дремля. Услышав внизу крики «плати!», он перевернулся и посмотрел в сторону каменного стола. Четверо сидели за игрой в мадяо, вокруг толпились зрители, подзадоривая их. А «деньгами» служили всего лишь жареные бобы из кухни.

Время уже наступило - пора идти за смолотым рисом. Сюн Цзиньчжоу спрыгнул со стены, сделал пару шагов и вдруг увидел, как к нему бежит слуга, который обычно сопровождал уездного судью Чэня. Завидев его, тот обрадовался:

— Господин Сюн, хорошо, что вы здесь! Господин ищет вас.

Первая мысль Сюн Цзиньчжоу была:

— Кто-то умер?

Слуга: «...»

Увидев его безмолвное выражение лица, Сюн Цзиньчжоу почесал нос, немного смутившись: ну а что, он ведь глава стражи - если его так срочно ищут, разве это не из-за смерти?

Он поспешил вслед за слугой и вскоре оказался у кабинета уездного судьи. Внутри, помимо самого судьи, находился ещё один знакомый человек - управляющий школы.□□

— Господин, — Сюн Цзиньчжоу отдал честь, невольно ещё раз взглянул на управляющего школой и нахмурился: неужели с Чжу-гером что-то случилось?

Уездный судья Чэнь улыбнулся:

— Ничего серьёзного. Просто, когда вы закончите дела, передай господину Нину, чтобы он зашёл ко мне. Хочу поговорить с ним об обучении.

Сюн Цзиньчжоу, услышав это, примерно понял, в чём дело, кивнул, запомнив, и, убедившись, что больше поручений нет, ушёл. Когда его фигура скрылась за воротами, управляющий школы с чувством сказал:

— Будем надеяться, что господин Нин и правда так талантлив, иначе будет жаль, если пропадёт вся забота господина.

Уездный судья Чэнь лишь усмехнулся. Какая там забота - всего лишь дать немного времени и поручить передать через Сюн Цзиньчжоу. Да и сам Нин Гуйчжу, возможно, этого и не заметит. Это скорее было сделано напоказ другим: чтобы простые люди работали преданно, нужно давать им ощутимую выгоду. Он уже прикидывал, какую награду выдать на этот раз.

А тем временем Сюн Цзиньчжоу уже забрал смолотый рис и отруби, вернулся и направился к школе за Нин Гуйчжу.

Урок закончился уже некоторое время назад. Нин Гуйчжу сидел за каменным столом в тени дерева, скучающе наблюдая, как птицы перелетают с ветки на ветку. Услышав голос Сюн Цзиньчжоу, он сразу отбросил то, что держал в руках, поднялся и, обогнув дерево, позвал:

— Цзиньчжоу, я здесь!

Сюн Цзиньчжоу обернулся, увидел его и, подойдя, взял за руку:

— Долго ждал?

— Да нет, — ответил Нин Гуйчжу. — У тебя сегодня много дел было?

Сюн Цзиньчжоу покачал головой, присел и подставил спину:

— Нет. Просто перед выходом в полдень меня позвал уездный судья Чэнь, вот и задержался.

— Понятно, — Нин Гуйчжу обнял его за шею. — Что-то случилось?

— Ничего особенного. Он просил тебя зайти к нему. Я видел там и управляющего школы. Ты, случайно, не говорил с ним о том, чтобы учить чему-то ещё?

— Говорил.

И Нин Гуйчжу пересказал утренний разговор. Они говорили негромко, спокойно, и дорога от школы до уездной управы в этот момент показалась гораздо короче.

Вернувшись в уездную управу, Нин Гуйчжу отправился в задние комнаты, а Сюн Цзиньчжоу - на кухню за обедом. Сегодня подавали свинину, жаренную с побегами бамбука. Бамбук был молодым, но грубоватым на вкус, однако ломтики нарезали тонко, а после жарки повар ещё немного протушил всё с водой, в итоге блюдо получилось ароматным и очень вкусным.

Поев, Нин Гуйчжу вытер губы платком и поднял взгляд на Сюн Цзиньчжоу. Тот быстро доел, взял платок, наспех вытерся и сказал:

— Сначала отведу тебя к господину, потом вернусь и уберу.

— Хорошо.

Когда они вошли в кабинет, уездный судья Чэнь как раз просматривал документы, подготовленные писцом. Увидев их, он отложил бумаги, поднялся и с улыбкой сказал:

— Сегодня господин Нин преподнёс мне сюрприз. Прошу, садитесь.

Нин Гуйчжу: «...»

Чиновники древности - это не современные чиновники; такая вежливость только заставляла его чувствовать себя неловко. К счастью, рядом был Сюн Цзиньчжоу - он незаметно подсказал, и Нин Гуйчжу поспешно поблагодарил за оказанную честь и сел, выпрямив спину.

Сюн Цзиньчжоу изначально хотел просто проводить его и уйти, но, увидев его напряжённость, взглянул на уездного судью, убедился, что тот не против, и подтянул стул, сев рядом. Судья Чэнь лишь вздохнул про себя: он-то считал, что производит впечатление добродушного старика, но почему этот юноша каждый раз смотрит на него так, будто перед ним враг?

Отложив этот вопрос, он заговорил:

— Полагаю, господин Нин понял мои намерения и потому специально упомянул об этом перед Цзинь Таном. Вот только хотелось бы узнать: сколькими ремёслами вы владеете и действительно ли готовы обучать других?

Цзинь Тан - это управляющий школой.

Нин Гуйчжу немного подумал и ответил не напрямую, а начал с истории о Девятой тете:

— ...Я помог ей совсем немного, но для её семьи это оказалось очень важно. И я подумал: сколько бы у меня ни было умений, сил всё равно ограничено, лучше передать их другим.

Он сделал паузу и добавил:

— Некоторые вещи можно просто обучить деревенских жителей. Но есть и такие, которые я не могу и не решаюсь передавать напрямую. В этом случае «учебные мастерские» господина судьи - самое подходящее место.□□

Выслушав позицию Нин Гуйчжу, уездный судья Чэнь всё больше удовлетворялся и с чувством произнёс:

— Юношеский пыл... «дать кров всем бедным учёным, чтобы они радовались»* - редкое стремление.

(ПП: это знаменитая строка из стихотворения поэта эпохи Тан Ду Фу «Моя хижина, разрушенная ветром». Полностью звучит так: «(О, если бы можно было) укрыть всех бедняков в Поднебесной, чтобы их лица озарились радостью».)

Он и не ожидал встретить в таком месте человека с похожими взглядами. Голос его стал мягче:

— Господин Нин, расскажите подробнее, чтобы я мог всё как следует устроить.

Нин Гуйчжу немного подумал: раз уж он уже обучает ткачеству, то начать стоит с плетёных изделий из бамбука.

— ...

Его спокойный, мягкий голос, словно струящаяся вода, разливался под полуденным солнцем, будто бы уже готовый напитать каждую пядь земли, до которой сможет дотянуться. Каждое слово радовало уездного судью Чэня. Сами по себе навыки были обыденными, но собранные в одном человеке, и при этом человеке, готовом передать их простым людям, они открывали перед ним ясную картину будущего уезда Аньхэ.

Он громко рассмеялся и, забыв о всяких условностях, с силой похлопал Нин Гуйчжу по плечу:

— Прекрасно, прекрасно! Господин Нин - поистине редкий талант!

— ...

Нин Гуйчжу смутился до крайности.

На самом деле его умения имели мало общего с врождённым талантом. После обязательного образования, движимый сильным желанием зарабатывать и юношеской самоуверенностью, он проигнорировал советы учителей и друзей и свернул не туда. Мир оказался сложнее, чем он думал: он пережил немало неудач, но, будучи упрямым, не хотел признавать ошибку. Тогда он решил: раз не получается сразу разбогатеть, будет путешествовать и подрабатывать, чтобы набраться опыта. Со временем, объехав множество мест, он перепробовал разные занятия. У него была сообразительность и спокойный характер, и мастера, видя это, порой делились с ним знаниями.

Когда наступила эпоха возможностей, он сумел воспользоваться интернетом и начал зарабатывать как фрилансер. Заработав немного, захотел больше, а чтобы зарабатывать больше, нужно было углубляться в дело. Для него самым подходящим направлением стали как раз те базовые навыки, которыми он уже владел. Так он постепенно освоил основы самых разных ремёсел.

Технологии современности, прошедшие тысячелетия развития, давно стали зрелыми. И его «начальный уровень» в этом мире уже был более чем достаточен, чтобы обучать простых людей зарабатывать на жизнь. Именно поэтому он и решился заговорить об этом перед чиновником.

Время уже подходило к концу. Вспомнив, что Нин Гуйчжу обычно отдыхает днём, уездный судья Чэнь отпустил их с Сюн Цзиньчжоу, а сам остался с бумагами, снова и снова продумывая дальнейшие планы.

<http://bllate.org/book/14958/1615137>